

взяли вы человека под судом за подобные же злоупотребления, которые сами теперь обязаны отыскивать; притом такого чиновника, который, будучи отрешен от должности в гимназии, может питать мщение к некоторым из членов Университета. Власов испугался, не жаловались [ли] мы на это. Я отвечал, что пожалуемся, когда увидим худые последствия от их ревизии. Вообще из разговоров Власова я замечал, что г. министр не доволен Комиссию.

Губернатор Жеванов должен быть из воспитанников здешней гимназии. Говорят, что он должен помнить, каким образом покойный государь Павел отдал словесный приказ бывшему тогда генерал-губернатору в Казани Деласси называть гимназию императорской. Директор Соколов, разжалованный после в солдаты, получил по сему случаю предписание, которое увез с собою в Москву, не возвратя гимназии. С уставом все это, впрочем, ни к чему не служит.

Купфер отсюда уехал 23 числа. Он был докучлив, мы снисходительны, и так он отправился скоро. Верно, он просил Академию, но, по свидетельству ее, г. губернатор, не получив согласия Правления университета, не дал подорожной. Хотя отчета о постройке и не в состоянии был представить г. Купфер, но по крайней мере подписал шнуровые книги. Это настоящая лихорадка: также холден и неотвязчив.

Студент Куренков^[15] сделался у нас болен кровохарканием. Становится немногое получше. Это первый случай при мне важной болезни между студентами. Надобно доктору при больнице положить приличное жалованье из суммы сбережения, иначе студентская больница будет на одном попечении молодого, неопытного и, может быть, ветреного лекаря. Надзиратель при клинике был чрезвычайно тяжело болен; несмотря на шпанские мухи, которыми мы его всего обложили, не могли у него отнять бреда и сил вскакивать и драться. В 9-й день болезни сделался перелом; в 10-й он встал и ходит твердо. Дмитриевский сказывает мне, что один из сыновей его тестя Мейснера мало способен к наукам, но необыкновенные оказывает дарования к живописи и ваянию. Не угодно ли Вам будет употребить Ваше посредство к перемещению его в Академию художеств: он своеокоптый.

С отличным уважением и преданностью честь имею называться

Милостивый государь

Вашим покорнейшим слугою

Николай Лобачевский

1829

Генваря 31.

*Помета Мусина-Пушкина карандашом: «10 фев[раля]».
ГК, № 24. Модз., № 288.*

10. М. Н. Мусину-Пушкину (13 августа 1829)

Милостивый государь

Михаил Николаевич

Григорию Борисовичу Никольскому я весьма благодарен и в особенности за решение старых дел, в мое отсутствие, из числа 300 которых осталось около 30 по недостатку бумаг, взятых ревизующей Комиссией. Таким образом, только мог он покончить дело с Алашеевым и представить об его увольнении.

Ко мне явился человек, кажется способной занять место секретаря в Правлении. Он был в подобной должности, в Земском суде 16 лет, привык к трудам, надеется узнать скоро, что особенного предстоит ему в университетской; обещается стараться. Порукою будут за него дети, которых определяет в Казансскую гимназию и для которых сам переселяется в Казань. Ему

надобно дать жалованья до 1500 р. и казенную квартиру, чтобы требовать после всего, что составляет обязанность секретаря. Теперь он поехал обратно в Корсунь привезти семейство и вступить тотчас же в отправление своей должности, считаясь до начала будущего года канцелярским служителем и получая жалованье, какое дозволит сумма, на сие назначеннaya. Увидевши его способности и прилежание, Правление может просить об определении г. Коноплева, так его прозванье, секретарем Правления с приличным жалованьем, которое по необходимости надобно будет заимствовать из хозяйственной суммы. Желаю, чтоб этот чиновник так же удался, как эконом, и кассир¹⁾.

Власов еще не уехал и, вероятно, проживет здесь сентябрь, а может быть и до зимнего пути. Я ему говорил, что квартира под его канцелярией нужна г. Симонову. Обещался очистить верхний этаж к 20 августа, если бы сам оставался и доле. Между тем я затрудняюсь поместить г. Симонова, так как он требует отдать ему и комнаты, занимаемые [И. М.] Поповым и в которых отказывать ему нельзя, как для удобства в помещении, так и для близкого соседства с обсерваторией. Попова можно было бы перевести на место Власова, но где взять квартиру для секретаря Правления?

Г. Симонов весьма прилежно занимается наблюдением над магнитной стрелкой и хотел сообщить их г-у Гумбольту в Симбирск.

Кухня студентская еще не окончена; да и все вообще работы идут медленно за недостатком людей, которых много хворает и в которых подрядчик отказывает, не желая, вероятно, опустить других работ в городе. Г. Мамаев для клиники нанял уже посторонних щекоторов [штукатуров] на счет подрядчика. Однако ж я надеюсь, что, кроме этой работы, и в одной клинике все прочее будет окончено через неделю. Кабинеты зоологический и минералогический остаются на прежнем месте. Г. Эверсман очень этому рад: иначе негде было бы ему поместить всего того, что он привез из своего путешествия, которое так разнится от путешествия г. Эйхвальда, как небо от земли. Не могу довольно надивиться, как достало ему время и трудов, чтобы собрать все то, чем он обогащает теперь наши кабинеты. Желательно было бы, чтобы примерные его труды были примерно награждены.

Недели через две будет готова и клиника. Вчерась начали в ней ставить амфитеатр и аудитории. Печи все уже исправлены. Аптеку начали устраивать с моим приездом. Я велел еще перестлать полы в коридоре и трех комнатах, что уже и сделано; потом их снова выкрасят. Эта последняя работа будет отнесена за счет клинической суммы, от которой за покупкою материалов у Шпехта еще останется до 250 р. свободных.

Студентский гардероб ставится так, как Вы мне приказывали, и библиотека в смежной комнате, исключая двух шкафов в дежурной, с тем чтобы все они поставились в один ряд. Шкафы библиотечные нашел я несколько попорченными от переноски, а потому и велел их наперед перечинить.

От Грефа и прочих книгопродавцев в С. Петербурге получил я ответ. Всего выгоднее Греф, которого и надобно, думаю, предпочесть, если не будут лучше заграничные. Я не мог писать к [П. М.] Васильеву потому, что он хотел выехать из С. Петербурга в конце июля; а потому и намерение мое справиться о Мухине осталось неисполненным.

Г. Фукс очень болен и никого не принимает. Вчерась я заходил узнать о его здоровье и слышал от человека, что оно все одинаково. У него лихорадка, впрочем, при его летах всего можно опасаться.

В Казани был на днях большой пожар, от которого сгорело в Федоровской улице до 15 дворов, несмотря на всё действие нашей полиции в присутствии г. губернатора и жены его. Вот наши новости.

¹⁾ Речь идет об экономе М. М. Маркове и кассире И. М. Любимове.

С истинным моим почтением и совершенною преданностию имею честь называться

1829
Август 13

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою
Николай Лобачевский

Помета Мусина-Пушкина карандашом: «8 сентября».
ГК, № 25. Модз., № 292.

11. М. Н. Мусину-Пушкину (20 августа 1829)

Милостивый государь
Михаил Николаевич

Из Вашего письма думаю заключить, что Вы поездку в Саратов отменили, а следовательно, и посланные туда бумаги не могли еще получить. Я уведомлял Вас, в каком положении нашел переделки в университетских строениях; полагал, что они вместе с этим месяцем окончатся, как это на самом деле и оправдывается. Теперь уж все в таком состоянии, что я мог Университет в приличном виде показать одному почтенному посетителю, Льву Алексеевичу Перовскому, и, кажется, в глазах его не посрамил нашего заведения. Он пробыл в Университете два часа, везде ходивши и все смотревши с удовольствием. Всего же более занял его минералогический кабинет, так как он сам [в] минералогии маракует, собирает минералы и знает, что в ископаемом царстве почитается редким. Расставаясь со мною, благодарили меня за случай, доставленный ему видеть заведение, достойное уважения, просил меня от него Вам кланяться, как давнишнему и хорошему его знакомому — я передаю Вам его слова — и изъявить его сожаление, что он не видал Вас в Казани. Клиники нашей ему не показывал, потому что в ней идет еще черная работа; однако ж с меня спрашивал, и услышав, что за перестрой и потому что в приеме больных теперь отказано до начала курса 1 сентября, вести его смотреть это заведение не смею, хотя оно и сделалось в последние годы таким, что желать многое не остается.

Другой посетитель в Университете был барон Врангель, известный путешествием по Ледовитому морю в экспедиции для открытия земли к Северу. Он смотрел мои снаряды с магнитными стрелками, просил меня заказать такие же ему и прислать их в Сидку [16], где он начальником флота на 5 лет и где обещался делать наблюдения, сообщая их мне.

Лекции начались в Университете с 16 августа. Студентов еще мало прибыло из отпуска. Испытание поступающих открыл я в Комитете вчера; предстало 12, быть может, наберется еще до 10, следовательно, всех студентов нынешний год будет более 100, не считая окончивших курса. Ученики Казанской гимназии, Космынин, Пыкчев и Горленко, просили меня допустить их к экзамену [17], но я этого за предписанием от Вас сделать не могу, а прошу Вашего разрешения.

Власов еще не уехал; я было велел у него ломать печи, но выпросил отсрочки еще на неделю.

Профессоры все приехали, исключая Сергеева.

С истинным к Вам уважением и душевною преданностию честь имею называться

Милостивый государь
Вашего превосходительства
покорнейшим слугою
Николай Лобачевский

1829
Августа 20 дня

Пометы Мусина-Пушкина: «21 августа», «Отв[ечено] 22 авг[уста]».
ГК, № 9. Модз., № 293.